

«В ней чистая любовь, в ней дружба обитала»

Есть в Москве старинный дом — огромный с колоннами — удивительное творение московского классицизма. Но в Москве издавна он был знаменит и тем, что связан с московским преданием о любви графа Шереметева к крепостной актрисе. Новые времена вносили новые подробности и новые небылицы в давние были. Пели в старой Москве во время гуляний про крестьянскую крепостную девушку сказочной красоты, которая гнала на вечерней зорьке коров из леса и встретила на дороге с баринном. «Ты родилась крестьянкой — завтра будешь госпожа!» — говорит он приглянувшейся красавице. И современные известные певицы любят блеснуть этой песней уже с эстрады, приписывая ее авторство крепостной актрисе Прасковье Жемчуговой. Многие искусствоведы начисто отрицают эту версию. Но главное — песня жила, а московское предание о необыкновенной любви волновало сердца все новых и новых поколений. И хоть скорбела еще в середине прошлого века знаменитая поэтесса, аристократка Евдокия Ростопчина: «С каждым днем стираются следы веков, следы событий позабытых, следы вельможей знаменитых», — но предание жило!

Еще в начале нашего века юный провинциал попал впервые на торжище — знаменитую Сухаревку — и был поражен роскошным дворцом шереметевской больницы. Здесь от московских старушек он услышал, как «граф души не чаял в Прасковье, убивался, как она померла, и вот хоромы какие построил». Как жалел потом он, став известным писателем, что не записал от них в свое время вариант песни «Вечер поздно из лесочку».

Всем москвичам, я думаю, знаком этот огромный дворцовый ансамбль с колоннами на Сухаревской площади, известный долгое время как Институт скорой помощи имени Н. В. Склифосовского. Но мало кто знает, что теперь этому памятнику архитектуры конца XVIII — начала XIX века возвращено старое название Странноприимного дома графа Шереметева, о чем даже оповещает мемориальная доска. Здесь начинают свою жизнь медицинский музей, дом милосердия России.

Но вот горькая правда нашего времени, которую часто постигаешь с возвращением прежних названий: об истории создания Странноприимного дома мало кто знает из москвичей. Я провела блиц-опрос даже среди учителей, журналистов — и увы! А ведь история любви, преодолевшей сословные предрассудки, ее стихийный демократизм — не для нашего ли времени это? И не на нашу ли грешную московскую землю пришло это предание, чтобы напомнить, что любовь — чудо и что человек — ценность!

Сквозь были и небылицы трудно пробиться в глубь веков... Но вот бесспорное: 225 лет назад в семье крепостного кузнеца графов Шереметевых родилась дочь. Ее называли по святцам (по новому стилю 8 августа) Пераскевой, разговорное — Прасковья.

Интересно, что так назвала церковь великомученицу Венеру. Христианка, носившая имя богини любви и красоты, погибла, но не отреклась от Христа. Для русской Прасковьи в мирской жизни с рождения был уготован свой крестный путь. Хотя Шереметевы никого никогда не продавали, не разлучали семьи крепостных, что по тем временам было великим благодеянием, но и никого никогда не отпускали на волю. А как рвались к свободе, простору, вольной жизни талантливые музыканты, архитекторы... Не меркнут краски на портретах Жемчуговой, созданные кистью талантливого крепостного художника Николая Аргунова. И это тоже тайна, может, трагическая, тайна художника. Смотрит на нас прекрасная женщина. Добрые, умные глаза. Грустная улыбка. Прасковья Ивановна Жемчугова уже в зрелые годы. И невольно вспоминаются поэтические строки: «Она давно прошла, и нет уже тех глаз и той улыбки нет, что молча выражали страданье — тень любви, и мысли — тень печали». И спасибо художникам, известным и неизвестным, что донесли до нас в портретах Жемчуговой ее прекрасную душу! **В эти юбилейные для известной русской актрисы, певицы дни в бывшем загородном дворце Шереметевых — ныне Музее керамики и «Усадьба Кусково XVIII века» открыта выставка ее портретов.**

И вот она в костюме героини оперы «Самнитские браки», в роли, в которой блистала, и так же удивительно естественна... А рядом в залах дворца бывшего «подмосковного Версаля» — парадные портреты знатных вельмож. Порой сквозь слой белил и румян непроницаемы живые черты. Этой эмоциональностью, искренностью она поражала всех, когда уже в 12 лет выступала на сцене знаменитого на всю Москву Шереметевского театра в Кускове. В конце XVIII века этот театр был настолько популярен, что составлял конкуренцию знаменитому старому Петровскому театру Медокса. Вход был бесплатный. Особого расцвета театр достиг при Николае Петровиче Шереметеве. Внук сподвижника Петра I, первого графа России Бориса Петровича Шереметева, в отличие от своих отцов не искал чинов. Увлекался музыкой, театром. И вот он слышит дивный серебряный голос дочери горбатого кузнеца, которая поэтому и фамилию носит то Горбунова, то Ковалева... И дает ей новую сценическую фамилию — Жемчугова. И она стала жемчужиной его театра. Около 50 оперных партий она исполнила в Шереметевском театре. Оперные спектакли с ее участием стали событием в Москве. Знатные вельможи ездили уже в Останкино, в театр, созданный Николаем Петровичем Шереметевым...

С какой естественностью, с какой страстью, с каким тонким пониманием высокого пела она героические роли. «Откуда этот дар в дочери крепостного мужика?» — спрашивали вельможные гости. Сам граф Николай Петрович Шереметев часто задумывался над этим. Его родные называли его «сантиман», то есть человек мягкий, отзывчивый. «Бедная Лиза» Карамзина появилась, когда они с Парашей уже любили друг друга. И когда он прочел в «Московском журнале» эту повесть, то плакал. И виной тому — свои личные обстоятельства, Николай Петрович был несчастлив, потому что знал: Параша страдает от насмешек, от прозвища «барская барыня». Как-то она сказала ему: «За вас я готова гореть в геенне огненной!» — И он понял, что она считает их любовь, не благословленную церковью, огромным грехом, но ради него готова принять божью кару. И тогда Николай Петрович решается на неслыханно смелый шаг для своего времени, века Просвещения и просвещенного самодурства.

В 1801 году, после того как дал ей вольную, в Москве, в церкви Симеона Столпника, что и сейчас стоит у подножия 24-этажного здания на Воздвиженке, тайно венчается с ней. Правда, он придумал наивную легенду, что Прасковья дворянская сирота, попавшая в крестьянскую семью. Услужливые чиновники быстро «нашли» документы для «Крестьян-младшего», так звали Николая Петровича в Москве.

В 1803 году рождается сын Дмитрий. Мысль о том, что сына могут похитить, пережитое усугубили ее болезнь — чахотку, и Прасковья Ивановна вскоре умирает. Граф начертал на надгробной плите: «Храм добродетели душа ее была. В ней чистая любовь, в ней дружба обитала». Лишь после смерти их брак и рождение сына были объявлены официально.

Чувство глубокой благодарности оставила Параша, потом Прасковья Ивановна, в памяти москвичей. Она была добра, заботлива. Именно по ее просьбе граф и начал строить Странноприимный дом. Но после смерти жены решил недостроенный дом превратить в памятник той, о которой безутешно скорбел. Перестраивал его зодчий Джакомо Кваренги, почитавший красоту и талант Прасковьи Ивановны. Он был увлечен своей мыслью превратить дворец в памятник прекрасной доброй русской женщине. В эти дни я подошла к главному входу удивительного памятника, пережившего пожар 1812 года и другие испытания времени и ставшего снова Странноприимным домом. Взглянула на двойную полукруглую колоннаду: она придает всему зданию торжественно-эмоциональное звучание, напоминая о трепетной женской душе.

Д. ЕНИКЕЕВА.